

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ В РАЗРЕЗЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Антошкина Л.И., д.с.н., профессор, ректор Бердянського университета менеджмента и бизнеса

Постановка проблемы. В прошлом и в современной мировой экономике возникали многообразные формы интеграции, преследующие цели более эффективного международного разделения труда, усиление влияния групп стран на важных для них рынках товаров и услуг, координации действий для облегчения движения товаров, капиталов и людей, взаимной оптимизации тарифной и налоговой политики и т.д. На определённом этапе развития такие формы интеграции преобразовывались в форму экономических и экономико-политических союзов, предполагающих создание наднациональных структур у правления и делегирование им некоторого числа полномочий за счёт национального суверенитета. В этих своеобразных «акционерных» обществах влияние участников всегда определялось их экономической (и не только) силой, вследствие чего декларированные цели скоро становились бутафорией и верх брали экономические или политические интересы сильнейшего участника. Заложенное в них действительное неравноправие неизбежно становилось причиной разногласий и конфликтов.

Однако и выживание в одиночку сопряжено со многими рисками и проблемами, в связи с чем таким странам (мы называем их «неприсоединившимися») приходится искать альтернативы, то есть решать исключительно актуальные вопросы форм и методов взаимодействия с мировым сообществом.

Цель статьи состоит в выработке для таких стран рекомендаций, аккумулирующих позитивный опыт и негативные проявления экономического союзничества.

Изложение материалов исследования.

1. Пессимистические ожидания

Некоторая неопределённость в оценке будущего мирового экономического развития выражается в многочисленных прогнозах, диапазон которых слишком велик — от оптимистических ожиданий в связи с признаками научно-технологического оживления и общего роста в развитых странах и фактами повышенной активности в ряде крупных развивающихся стран до вполне мотивированных тревог по поводу неустойчивости показателей развития в посткризисный период: они слишком напоминают «экономические качели», когда небольшой рост уже на следующий год сменяется таким же или даже ещё большим спадом, а потом картина снова повторяется. Наученные горьким опытом кризиса, специалисты не спешат возводить признаки роста в тенденцию, а потому в их суждениях преобладают сдержанность или осторожность, близкая к пессимизму.

Мировая экономика демонстрирует тенденции, характерные для кризиса 1930-х годов — Великой Депрессии, — заявила, выступая в Госдепартаменте США глава Международного валютного фонда Кристин Лагард [1]. По её словам, к таким тенденциям стоит отнести экономическую изоляцию, растущий протекционизм ряда стран, а также продолжающееся сокращение производства. К. Лагард констатировала: «Нет больше в мире экономик, включая бедные, развивающиеся и развитые страны, которые бы имели иммунитет к кризису». Она также отметила, что *наступающая рецессия* не коснётся одной группы стран, а окажет негативное влияние на всю мировую экономику: «МВФ считает, что все страны, независимо от государственного и политического устройства или религии, должны объединиться для борьбы с кризисом» [1].

Объединительный мотив этого обращения следует считать знаковым — вероятно, созрело понимание, что разрушать мировую экономическую систему можно в одиночку (хотя «разрушители» поимённо названы не были), а восстанавливать — только сообща, укрепляя (спасая) существующие экономические союзы и создавая новые. Хотя и остаётся неясным, как поведут себя в дальнейшем «спасённые» сегодня союзы, то есть чем и как они «отплатят» за это «спасателям» из развивающихся и бедных стран. Вопрос, отнюдь, не риторический — ведь спич главы МВФ очевидно указал на необходимость «спасения» *союзов развитых стран*, и что если этого не сделать, то «пострадает вся мировая экономика». Логично ожидать теперь как поведёт себя МВФ в отношении тех стран, которые этот призыв «не услышат».

Не случайно, что в комментарии на речь главы МВФ газета The Wall Street Journal обратила внимание на призыв ко всем странам, которые «имеют какие-либо возможности», оказать помощь прежде всего Европе (еврозоне). Она отметила, что «государства еврозоны не могут самостоятельно выйти из долгового кризиса, а коллапс европейской финансовой системы нанесёт удар по всей мировой экономике» [2]. Надо полагать, от жалости к «бедной еврозоне» ручьём потекут слёзы из глаз украинцев, россиян и других, кто в эту «зону» не входит, а их тощие кошёлки раскроются сами собой в благотворительном порыве, чтобы предотвратить «ужасы коллапса европейской финансовой системы» (к возникновению которого ни не имеют ни малейшего отношения).

Столь же страстно к мировому сообществу обратились лидеры стран G20 (а это главным образом — развитые страны) на своём саммите в ноябре 2011 года: необходимо расширить финансирование МВФ для борьбы с долговым кризисом в еврозоне; европейские банки должны направить МВФ 200 млрд евро для помощи пострадавшим от долгового кризиса странам; была высказана похвала странам Евросоюза за *обещание* увечить европейский стабилизационный фонд до 1 трлн евро (которое так и не было исполнено, вероятно, в надежде, что это сделают «посторонние благодетели» [3].

Впрочем, такая риторика лидеров группы G20 (как и более узкой группы G8) давно никого не удивляет, потому за призывами, похвалами в адрес одних и упреками — в адрес других стран не просматривается конструктивных начал в разрешении своих же проблем собственными же силами, но преобладают попытки переложить их друг на друга и на остальной мир. Это подтвердилось и основной идеей доклада Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), опубликованного в ноябре 2011 года: рост в крупнейших экономиках мира будет возможен лишь при условии, что действенные меры для его поддержания примут не только они, но и другие страны. В этом случае, согласно прогнозу ОЭСР, рост GDP стран «Большой двадцатки» составит в 2011 году достигнет 4,6% [3]. Как это повлияет на всю мировую экономику, прогноз ОЭСР не разъясняет.

О перспективах можно судить по документам ООН. Экономисты этой организации резко изменили свои прогнозы относительно роста мировой экономики, скорректировав их в сторону понижения. В своём докладе, озаглавленном «World Economic Situation and Prospects 2012» («состояние и перспективы мировой экономики 2012»), экономисты ООН прогнозируют весьма низкие темпы роста, предупреждая, что *развивающимся странам грозит глубокий спад*, обусловленный четырьмя факторами: кризис суверенной задолженности; слабость банковского сектора; низкий совокупный спрос; паралич политики [4].

Директор департамента ООН по вопросам экономического развития и политики Роб Вос предостерегает о том, что миру угрожает новый экономический спад: «Не исключено, что мы находимся на грани новой рецессии. Хотя наш базовый сценарий предполагает, что в ближайшие два года глобальная экономика может, как мы это называем в нашем докладе, «кое-как выстоять», в том смысле, что Европе, может быть, удастся в определённой степени урегулировать долговой кризис, а проблемы, испытываемые американской экономикой, существенно не обострятся. Однако это означает, что проблемы останутся, в том смысле, что темпы экономического роста остаются весьма низкими. Уже сейчас мы видим, что ситуация ухудшилась по сравнению с 2010 годом, когда происходил хоть какой-то подъём» [4].

Как всегда в таких случаях, МВФ рекомендует странам принимать меры жёсткой бюджетной экономии для урегулирования глобального экономического кризиса — это общее правило, согласно которому строится кредитная политика фонда. Его не интересуют социально-экономические последствия применения такого правила в конкретной стране, нуждающейся в кредитах; в частности, то, что приемлемо в развитых странах с их раздутыми бюрократией, военными расходами и вызывающими вопросы социальными программами «для бедных», но может стать катастрофой в других странах значительная часть реально бедного населения которых кое-как выживает благодаря социальным статьям их бюджетов.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

Именно поэтому помощник Генерального секретаря ООН по вопросам экономического развития Д.К. Сундарам предостерегает против подобных рекомендаций МВФ: «Эти меры по ужесточению бюджетной политики лишь усугубили экономический спад во всём мире...» [4]. Справедливость этого замечания подтверждается многими фактами не только посткризисного, но и предыдущих периодов конца XX века и начала нынешнего. Ответственные власти каждой страны сами могут (и должны) находить эффективное решение бюджетных проблем, а диктат потенциальных кредиторов лишь затрудняет поиск таких решений. Тем более, что политическим лидерам теперь ещё труднее принимать политические решения, поскольку им приходится учитывать то, как эти решения могут повлиять на ситуацию на финансовых рынках и каким последствиям приведут в социальной сфере внутри страны. Вместо поиска разумного консенсуса с ними, МВФ (и другие мировые кредиторы) больше заняты интересами богатых стран и их союзов, предпринимают адекватные давлению меры с тем, чтобы созданные ими же проблемы преодолевались с помощью пострадавших от них стран. Для тех стран, которые ещё находятся вне подобных союзов, но рассматривают возможные варианты вступления в них, сейчас есть время переосмыслить эти варианты.

2. Экономико-политические союзы, обстоятельства их возникновения и развития: общие суждения

Потоки товаров, людей и капитала в крупнейших развивающихся экономиках становятся всё более решающим источником экспорта, рабочих мест, финансового и экономического роста этих динамичных фигурантов современного мира. Эта тенденция отход от торговых и инвестиционных потоков, в которых доминирует западный потребительский спрос — способна изменить мировую экономику. Усиление экономических связей с развивающимся миром может дать тот самый толчок, в котором столь нуждается глобальная экономика, всё ещё ищущая выход из кризиса и посткризисных последствий.

Но для науки и практики всё ещё неразрешёнными остаются вопросы принципиального характера: на каких условиях может оказаться приемлемым сближение, тем более, соединение Запада и развивающегося мира, если обеими сторонами осознана неотвратимость этого интеграционного процесса; по каким правилам будет действовать динамичный развивающийся мир в период организационного оформления процесса интеграции (то есть «лечения» западной экономики) и будут ли достаточными перераспределяемые ресурсы для воссоздания социально-экономических систем самих развивающихся стран (то есть стран-«доноров»); не окажутся ли они обескровленными, если западные страны «забудут» о своих встречных обязательствах по части научно-технологической и интеллектуальной помощи и кооперации и т.д.

Эти и другие подобные вопросы актуальны для научной разработки несмотря на то, что в настоящее время абсолютно большая часть объёма экономических отношений в мире приходится на взаимный товарооборот между развитыми странами. Так, объём экспорта США в Европейский Союз почти в 3 раза больше, чем в Китай; а если рассматривать экспортно-импортные потоки в мировой торговле, то на страны Первого мира приходится почти весь объём наукоёмкой и высокотехнологичной продукции, и лишь мизерная часть такой продукции (причём, из разработок прошлых лет) попадает в развивающиеся страны. Тем не менее, разработка этой проблематики важна в плане даже не очень далёкой перспективы.

На эту тему вполне откровенно рассуждает международный эксперт Найалл Фергюсон [5]: соединённым Штатам необходим процветающий экспорт, чтобы их экономика росла мало-мальски приличными темпами; но в Европе практически неизбежна «вторая волна» рецессии, вследствие чего европейский рынок для американских экспортёров надолго сузится; поэтому нужно как можно быстрее развивать экспортную экспансию в странах остального мира; действуя таким образом, американцы отодвинут от своей страны многие опасности европейского кризиса, которые пока ещё не вышли за пределы этого континента.

Расчёты вполне прагматичные, можно даже назвать их циничными; но они важны главным образом тем, что показывают, как будет осуществляться «интеграция» с развивающимися странами и *чьи* интересы при этом будут главенствовать, если остальной мир на подобные союзы с развитыми странами пойдёт.

В отличие от экспертов, подобных Н. Фергюсону, ведущие политики развитых стран тщательно вуалируют свои экспансионистские цели рассуждениями о неисчислимых благах, которые прольются на развивающиеся страны, если они включатся в интеграционные схемы с Западом; доминантной в их рассуждениях является мысль о том, что именно в интересах развивающихся стран как можно быстрее становиться в очередь к странам Первого мира; и лишь в дальнем конце списка ожидающих бедные страны «благ» можно найти короткие признания того, что «кое-какие» выгоды получают и «презренные сироты» развитые страны.

Именно по такой схеме велись обсуждения на ноябрьском саммите 2011 года стран организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) на Гавайях под фактическим «патронатом» Президента США. В своей речи на открытии саммита 13 ноября 2011 года он заявил, что 3 млрд. чел., проживающих в 21 стране АТЭС, «... надеются, что эта организация даст им новые возможности через расширение торговли, которое ускорит экономический рост и позволит создать новые рабочие места» [6]. Дальше были призывы к странам АТЭС «объединить усилия ради более быстрого, стабильного и долговременного экономического роста снять торговые барьеры и сократить пошлины в регионе...», а потом — признания, *кто* получит в результате главные дивиденды: экономический рост и удвоение экспорта США. Для придания должной убедительности различным проектам интеграции было сказано, что для США этот регион является одним из самых приоритетных, что США не смогут вернуть своим гражданам работу и поднять свою экономику, если Азиатско-Тихоокеанский регион *также не будет преуспевать* [6].

США и 8 других стран АТЭС (Австралия, Бруней, Чили, Малайзия, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам) объявили о достижении рамочного соглашения о создании Транстихоокеанского партнёрства как «модели для формирования более широко зоны свободной региональной торговли». На более широкое участие в этом «партнёрстве» большинство стран АТЭС не решилось, а Китай вообще критически отнёсся к его созданию, заявив, что оно отражает «протекционистские тенденции в АТЭС» [6].

Этот анализ обозначил новые тенденции в развивающемся мире в его отношениях с развитыми странами. Они свидетельствуют о том, что проходит эпоха, когда сколачивание «союзов» под экстренные потребности богатых стран было делом лишь их желания. Растущие связи перенаправляют инвестиции, торговлю и, в некоторой степени — миграционные потоки, меняя и роль стран Первого мира (прежде всего, США) в глобальной экономике, способствуя реформированию политических альянсов и разжигая новые образцы геополитического соперничества. Мир находится лишь в начале этого меняющего историю процесса.

Стивен Кинг, главный экономист банковского гиганта HSBC, прогнозирует, что потоки торговли и капитала между развивающимися регионами мира — Азией, Африкой, Ближним Востоком и Латинской Америкой — могут вырасти в 10 раз за ближайшие 40 лет. Он называет эти новые связи «версией оригинального азиатского Шёлкового пути в исполнении XXI века», который «Призван революционизировать мировую экономику» [7].

Признаки этого процесса явно различимы везде. Китай, а не США, стал крупнейшим торговым партнёром Индии — объём торговли между этими двумя странами вырос в 28 раз за последние 10 лет (до 62 млрд. долларов в 2010 году). В декабре 2010 года стороны подписали новые торговые и финансовые соглашения на 16 млрд. долларов, а США смогли договориться только на 10 млрд. долларов (в ноябре 2010 года). В 2011 году Индия и Бразилия уже экспортировали на развивающиеся рынки больше товаров и услуг, чем в развитые страны. Китай стал крупнейшим иностранным инвестором в экономику Бразилии, и тем самым бросил вызов историческому доминированию США в Латинской Америке. Инвестиции китайской нефтяной компании CNOOC в аргентинскую энергетическую компанию Bridas в размере 3,1 млрд. долларов стали крупнейшей сделкой по приобретению в Аргентине в 2010 году. Российский «Русал», крупнейший в мире производитель алюминия, в 2010 году решил устраивать своё первичное публичное размещение акций (IPO) не в Лондоне или в Нью-Йорке, а на Гонконгской фондовой бирже, став первой поступившей так российской компанией.

Эти примеры являются не только подтверждением новых тенденций, складывающихся во взаимоотношениях развивающегося и Первого мира, но и обозначают начало новой философии устройства международных отношений. Вопреки декларациям о равноправии и равновыгодности, любые соглашения в прошлом между странами разных экономических полюсов (следовательно, разной силы) строились на явном или маскируемом диктате сильных, а в создававшихся в разное время экономических союзах этот принцип воплощался в долговременной политике извлечения выгоды развитыми странами в обмен на какие-то политические предпочтения бедным странам.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

Например, в периоды противостояния супердержав модной была «услуга по защите интересов» слабых стран, и все союзы тогда фактически (то есть независимо от формального названия) были политико(военно)-экономическими. За право попасть под такой «зонтик» слабые страны расплачивались природными ресурсами по бросовым ценам, территориями, утратой суверенитета.

Подлинная суть таких «союзов» раскрывалась адекватно экономическому развитию бедных стран, росту самосознания населения и формированию национально ориентированных политических сил. В связи с этим попытки развитых стран продолжать такую же политику и в XXI веке всё чаще натываются на противодействие со стороны всё большего числа развивающихся стран, а пока не входящие в какие-либо «братские союзы» страны становятся объектами активной «обработки» (посуды экономической помощи, инвестиций, «особых» отношений, всё той же «защиты» и пр.).

Свидетельством вызревания новой философии в мировых отношениях является небольшой историко-экономический экскурс. Взаимный рост торговли и инвестиций среди развивающихся стран является радикальным переключением режима того, как обычно мировая экономика работала в течение нескольких веков. Традиционно торговые потоки шли между «Севером» и «Югом» — развитыми и развивающимися мирами. Природные ресурсы, от специй до шёлка, поставлялись на индустриализованный Запад, который в обмен экспортировал текстильные и другие промышленные товары.

После Второй мировой войны эта система стала более сложной, благодаря улучшившимся системам транспорта и связи. Азиатские «восходящие звёзды», типа Южной Кореи и Сингапура, превратились в богатых и изобилующих за счёт *outsourcing*. Их обильная и дешёвая рабочая сила способствовала тому, что там начали делать одежду, обувь и электронику, как правило, — с дизайном и по технологиям фирм с Запада, и потом эти товары поставлялись потребителям развитых стран.

Пока внутренний потребительский рынок в таких странах как Индия, Китай, Индонезия и другие оставался крайне бедным, ориентироваться на них стимулов не было, а напряжённые отношения между многими развивающимися странами, часто выливавшиеся в пограничные или религиозные конфликты, создавали ещё большие препятствия. США и Европа доминировали в мировой торговле и в размерах капитала, и все зависели от них в плане роста и рабочих мест.

Эта модель начал меняться после того, как в глобализационную гонку в 1980-х годах включился Китай. Заводы в Шеньчэне и Шанхае стали центрами сетей «не знающего границ производства», детали для телевизоров, мобильных телефонов и другие товары производились по всей Азии, потом погонялись в Китай для финальной сборки, способствуя росту торговых потоков в рамках региона. Когда быстрый рост в Китае, Индии и на других развивающихся рынках укрепил местные доходы, они превратились в экспортные направления и друг для друга; компании из одних развивающихся стран стали продавать свою продукцию потребителям в других развивающихся странах.

Подобные связи продолжают охватывать всё новые части развивающегося мира. Торговля между развивающимися экономиками Азии и Латинской Америки, например, выросла в 7 раз за 10 лет (до 268 млрд. долларов). Китай и Индия, в поисках доступа к сырью и новым потребителям, стали покровителями Африки. Торговля между Индией и Африкой буквально взорвалась в своих размерах, увеличившись всего лишь с 1 млрд. долларов в 2001 году до 50 млрд. долларов в 2010 году. В 2010 году индийский поставщик телекоммуникационных услуг Bharti Airtel приобрёл бизнесы в 15 странах региона Африки южнее Сахары за 10,7 млрд. долларов, что стало одной из крупнейших трансграничных сделок в индийской истории. Заметим, что подобные торги никогда не проводились без широкого международного представительства, то есть за победами на них компаний из развивающихся стран всегда были поражения компаний из богатых стран Запада.

Специалист в области экономической интеграции Азиатского банка развития Asian Development Bank (ADB) Ганешан Вигнараджа доказывает, что эти связи между развивающимися рынками создают «третий столп» роста в мировой экономике — в дополнение к американскому и европейскому, и они свидетельствуют, что «мы идём в направлении мультиполярного мира» [7].

Последствия этого выходят далеко за рамки простого движения товаров. Чем более важными становятся торговля и инвестиции между самими странами развивающегося мира, тем менее важным становится Запад для глобальной экономики, и эту тенденцию усилила Великая рецессия последнего мирового кризиса. В то время как западные экономики прогнулись под давлением больших долгов и безработицы, Китай, Индия и большая часть остального развивающегося мира усилились, а по мере сближения их экономик они обнаруживают и общие политические интересы.

Так, страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) уже начали проводить регулярные саммиты для координации своих усилий в области поиска решений крупных вопросов. Типа формирования глобальной финансовой системы. По подсчётам ряда экономистов, экономика стран БРИК превысит показатели «большой семёрки» (США, Канада, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Италия) уже через 25 лет, а, возможно, и раньше [8]. О желании включиться в это объединение неоднократно заявляли руководители ЮАР, которые считают его «очень важной организацией для глобальной экономики» и полагают, что ЮАР имеет все основания представлять в этой неформальной структуре интересы более миллиарда жителей Африки [8].

Объективный анализ, однако, свидетельствует о том, что обозначенные тенденции ещё многие десятилетия будут иметь неустойчивый характер, в связи с чем адекватно неопределёнными будут и отношения в существующих союзах, объединениях и группировках (равно как и в тех, которые возникнут в будущем), несмотря на то, что они бросают вызов сложившемуся экономическому порядку.

Активное продвижение Китаем и Россией идеи замены американского доллара как главной резервной валюты в мире вызывает у политиков и специалистов больше скепсиса, чем тревог. Претензии БРИК на особую роль в развивающемся мире (и даже — в глобальной экономике) не опираются на реальный экономический потенциал и действительные возможности проводить внутри объединения скоординированную политику — слишком сильно экономики этих стран отличаются друг от друга. В течение последних нескольких лет в западных СМИ регулярно появляются сообщения о том, что Россия отстаёт от других стран БРИК, и поэтому её надо исключить из объединения. Кроме того, «слабым звеном» БРИК часто называют Бразилию.

Аморфный и неубедительный характер имеют различные группировки и партнёрства, создаваемые на базе АТЭС. Хотя и впечатляют отдельные успехи Китая и Индии в геоэкономическом соперничестве с развитыми странами, их глобальное влияние пока невелико, а гипотетические тревоги по поводу его роста высказываются в разрезе долговременной перспективы. На долю только семи развитых стран («большая семёрка») приходится 49% мирового экспорта, 51% промышленного производства, 49% активов МВФ, а также не сопоставимая роль в мировых интеллектуальных ресурсах, инновационных разработках и в количественных показателях их реализации [9]. Поэтому в настоящее время мало кого может утешить обещание упомянутого выше С. Кинга: «Если сверхзвуковые темпы роста торговли и инвестиций среди развивающихся экономик мира сохранятся, важность США и Европы в экономическом и политическом плане ослабится» [7].

Подобные прогнозы всё чаще противоречат негативным реалиям, с которыми сталкиваются крупнейшие развивающиеся страны, намеревавшиеся осуществлять экспансию одновременно по двум направлениям — расширять связи друг с другом и увеличивать свою долю на рынках развитых стран. Мировой кризис резко остудил амбиции подобного рода — их экспорт в развитые страны сократился и продолжает падать, а компенсировать потери в этом направлении за счёт увеличения взаимного товарооборота не представляется возможным из-за крайне низкого внутреннего потребительского спроса. Как следствие, возникла проблема загрузки экспортных мощностей и угроза массовой безработицы. Китайское информационное агентство Xinhua сообщило, что официальный индекс закупок PMI в ноябре 2011 года снизился до отметки 49 пунктов. Это означает, что впервые, начиная с февраля 2009 года, промышленное производство в Китае снизилось, а по причине уменьшения заказов на 2012 год будет снижаться и в дальнейшем.

Эксперты доказывают, что обвал промпроизводства в Китае стал следствием двух системных проблем его экономики: во-первых, преувеличенное представление о своей исключительной роли для западных рынков, экономические трудности которых немедленно привели к сокращению заказов за рубежом; во-вторых, базу для спада заложила и политика китайского руководства в области борьбы с инфляцией — на протяжении второй половины 2010 года и в течение 2011 года правительство неоднократно повышало кредитные ставки и уменьшало объёмы выдаваемых кредитов, чем нанесло удар прежде всего по малому и среднему бизнесу [10]. Вполне вероятно, что из-за этого

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

снизится и привлекательность китайской модели экономики для уже попавших под её влияние бедных стран и для прогнозируемых союзов под эгидой Китая.

Понимание этих объективных обстоятельств вынуждает отдельные корпорации, лишившиеся возможности утвердиться на рынках Запада с их «повышенной чувствительностью» к качеству товаров и жёстким отношением к соблюдению прав интеллектуальной собственности, искать новые каналы сбыта на рынках развивающихся стран и стран Третьего мира, где лояльность к малоизвестным брендам не столь фиксирована.

Например, китайский производитель мобильных телефонов G'Five увеличил продажи в Индии более чем на 75% в 2010 финансовом году, несмотря на то, что происхождение этих модных аппаратов «покрыто мраком» — на эту «мелочь» индийские покупатели внимания не обращают, а цена их вполне устраивает.

Крупный китайский автопроизводитель Chery, вытесненный из конкурентного американского рынка из-за своей репутации в области дешёвого и плохого качества, начал инвестировать в развивающиеся экономики, и сейчас у компании строятся или уже работают 16 заводов в таких странах как Россия, Египет, Иран, Индонезия и Бразилия.

Китайский компьютерный производитель Lenovo в 2009 году сконцентрировал усилия на развивающихся экономиках, будучи уверенным в том, что его опыт на внутреннем рынке даст ему преимущества на рынках других бедных стран. В Индии, например, компания решила повторить технику продаж, которая сработала в бедных районах Китая — жителям деревень и посёлков демонстрировались бесплатные фильмы в рамках маркетинговых компаний своих компьютеров. Стратегия сработала: доходы от продаж на развивающихся рынках только за второй квартал 2011 года выросли на 46,5%, в то время как на рынках развитых стран (где основной покупатель — домохозяйки, школьники и студенты младших курсов) рост составил только 8,5% [11].

По существенно иным сценариям развиваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве — здесь в большей мере понимается экономический реализм фигурантов (если не считать участия России в БРИК) и не столь откровенно декларируются амбиции на мировое экономическое влияние. Фигуранты хорошо осознают, что они ещё далеки до заметного участия на высокотехнологичных рынках и стараются более-менее эффективно использовать свои преимущества в сырьевом обеспечении Запада и сопредельных стран, а также развивать взаимную технологическую кооперацию в обрабатывающих отраслях, основа которой сложилась ещё во времена Советского Союза. Все эти факторы формируют тот долговременный коллективный интерес, который способствует относительной прочности союзов различной конфигурации между ними. Так, Россия, Беларусь и Казахстан создадут Евразийский экономический союз к 2015 году, в связи с чем уже подписаны декларация о Евразийской экономической интеграции и договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Этот наднациональный интеграционный орган начал работать с 1 января 2012 года. Постепенно, в течение 5 лет, ему будут передаваться национальные полномочия — всего 175 [12].

Размах интеграционных намерений этих стран впечатляет: они уже взаимодействуют в рамках Таможенного союза, который даёт возможность использовать единый импортный тариф и таможенную границу; с 2012 года действует Единое экономическое пространство, которое предусматривает, в частности, унификацию технического регулирования, макроэкономической и конкурентной политики, свободное перемещение капитала; к 1 января 2015 года планируется завершить кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и на основе которой будет действовать Евразийский экономический союз.

Как всегда в подобных случаях в прошлом (и на европейском, и на других континентах), шумные декларации инициаторов заглушают голос оппонентов, выходящих в новых конструкциях попытку «реинкарнировать Советского Союза», намерение России «снова сколотить союз сателлитов» и т.д. Но при этом никто не берёт в расчёт, что союзы экономически и структурно практически равных участников гораздо прочнее тех, где изначальное неравенство становилось причиной их скорого распада или стагнации (как современного Европейского Союза). Объяснение этого феномена хорошо укладывается в известную житейскую истину: бедная, но дружная семья легче переносит любые невзгоды. Дело теперь за «малым» — выдержит ли проверку временем продекларированная дружба лидеров трёх стран (о народах мы сознательно не говорим).

Различные исходные условия создания экономических союзов внутри развивающегося мира или союзов с участием развивающихся стран и стран Третьего мира предопределяли характер их функционирования и экономические результаты для участников. В начале второго десятилетия XXI века можно констатировать полное отсутствие примеров стабильной устойчивости таких союзов, что было обусловлено неумением (или нежеланием) политических романтиков учесть множество объективных факторов.

Развивающиеся страны применяют более высокие тарифы и пошлины, и более жёсткие ограничения на потоки капитала, чем развитые государства.

Дорожные и транспортные сети создавались для доставки товаров в США и Европу, а не из одной развивающейся страны в другую, что часто делает доставку товаров медленной и дорогой. В результате торговые денежные потоки оказываются по-прежнему небольшими при сравнении их с соответствующими потоками между Севером и Югом.

Несмотря на удивительный рост, торговля между Индией и Китаем на конец 2011 года составляла едва ли шестую часть от объёма торговли между Китаем и США.

Затрудняет экономические отношения постоянная, устойчивая политическая напряжённость во многих регионах развивающегося мира. Китай и Индия, например, по-прежнему активно спорят по поводу нерешённых пограничных вопросов. Есть немало и других проблем.

Но даже хотя некоторые проблемы преодолеваются, возникают другие. Конкуренция среди крупных развивающихся рынков за экспорт, инвестиции, рабочие места и глобальное влияние подпитывает напряжённость. Официальные лица в Бразилии и Индии жалуются на то, что контролирование Китаем стоимости юаня плохо сказывается на их экспорте, помогая конкурирующим китайским товарам оставаться сравнительно дешёвыми. Негодование по поводу особого экспансионистского поведения Китая распространяется от Бразилии до Замбии. Страны недовольны прежде всего тем, что китайские инвесторы скупают и начинают контролировать огромные части их экономик, представляя мало выгод взамен.

Таким образом, крупные развивающиеся страны в своих взаимоотношениях с «партнёрами» по союзам, в сущности, идут тем же путём и применяют те же технологии для доминирования, что и страны Первого мира — экономический эгоизм, неограниченный протекционизм своим компаниям, злоупотребление валютными курсами. Использование механизмов политического давления на властные структуры, употребление коррупционных стимулов для «решения вопросов» на разных уровнях — от управления компаниями до местных и высших государственных чиновников. Отсюда — постоянные поводы для подозрительности, распри, недовольства, чем умело пользуются гораздо более опытные «дирижёры» западных стран.

Из выполненного анализа следует, что хотя в современной взаимосвязанной мировой экономике выживать в одиночку крайне трудно, тем не менее, отдельным «неприсоединившимся» странам нужно с предельной аккуратностью взвешивать как вынашиваемые интеграционные проекты, так и многочисленные приглашения в альянсы. В связи с этим уместно напомнить мысль У. Черчилля: «У Англии нет постоянных союзников, а есть только постоянные интересы». Если вместо Англии употребить названия других стран, то афоризм великого политика мог бы стать ценнейшей рекомендацией для современных лидеров.

3. Европейская интеграция: этапы, цели, достижения, противоречия, тенденции разрушения.

Самой интересной и поучительной в мировой практике, начиная со второй половины XX века, является европейская интеграция, которая представляет собою нарастающее движение от создания малых (локальных) форм интеграции к более сложным и наднациональным, характеризуется переходом количественного роста в новое качество, нарушением принципа оптимальности в построении сложных организационных структур и созданием предпосылок для их разрушения. Вольно или невольно, современная конструкция европейской интеграции воплотила многие параметры ушедшей в историю советской системы (объединение разных по уровню развития участников, создание наднациональных органов координации, делегирование им всё большего числа полномочий при

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

соответствующем уменьшении национального суверенитета), но некоторые из них гипертрофировала до уровня исторического абсурда (идея создания из «союза богатых и нищих» процветающего европейского сообщества), что в конечном итоге превратило это «сообщество» в рыхлое, аморфное, трудноуправляемое образование с явными признаками распада. Но даже находясь в таком состоянии, это «сообщество» продолжает выстраивать очередь для количественного расширения и зазывать в него «неопределившихся». В связи с этим именно для последних может быть полезен историко-экономический анализ этапов евроинтеграции.

Основные этапы европейской интеграции (табл. 1) свидетельствуют о том, что её базис формировали наиболее развитые западноевропейские страны, политики и идеологи которых вскоре после Второй мировой войны уже предвидели перерастание американской помощи по восстановлению разрушенного народного хозяйства в экономическую экспансию на европейском континенте. Интеграция стала, таким образом, своеобразной защитой от этой экспансии американского капитала.

Таблица 1.

Этапы европейской интеграции

Год	Название этапа	Характеристика
1951	Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)	Интеграционная группировка 12 стран. Контролировала добычу практически всего угля, свыше 90% производства чугуна и стали, добычу около 50% железных руд в Западной Европе
1957	Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) («Общий рынок»)	Первоначально участниками были 6 стран — Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. С 1973 года — Великобритания, Дания, Ирландия. С 1981 года — Греция. С 1986 года — Испания и Португалия. Всего к концу 1986 года группировка насчитывала 12 стран. Цель ЕЭС: создание единого экономического пространства путём повышения уровня экономического развития его участников. Достижение целей, поставленных ЕЭС (с 1986 года — Европейские сообщества), привело к принятию Маастрихтского договора о Европейском Союзе, после создания которого ЕЭС стал называться Европейским сообществом
1958	Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)	Интеграционная группировка 12 стран-членов Европейских сообществ. Создана с целью объединения ресурсов ядерного сырья и атомной энергетики
1951-1958	Европейские сообщества (ЕС)	Общее название трёх западноевропейских интеграционных организаций (ЕОУС, ЕЭС, Евратом). Прошли несколько этапов — от установления общих принципов до совместной деятельности (создание Европейского инвестиционного банка, общей расчётной валюты ЭКЮ, которая позднее получила название Евро; учреждение Фонда европейского регионального развития и т.п.). Важным этапом было принятие Единого европейского акта в 1986 году, основная идея которого — создание Европейского Союза
1960	Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ)	Региональная экономическая группировка. Создана европейскими странами, не вошедшими в Европейское экономическое сообщество, для конкуренции с ним. Первоначально в состав ЕАСТ входили: Австрия, Великобритания, Дания (до 1973 года), Норвегия, Португалия (до 1983 года), Швейцария, Швеция; позднее вступили Исландия, Финляндия, Лихтенштейн. В 1977 году в торговле ЕАСТ с ЕЭС были отменены таможенные пошлины на промышленные товары. Соглашения о свободной торговле были также заключены в 1991-1993 гг. с Турцией, Чехословакией, Израилем, Польшей, Румынией, Венгрией и Болгарией. В соответствии с соглашением о Европейском экономическом пространстве (1994 год), страны ЕАСТ (кроме Швейцарии и Лихтенштейна) стали его участниками
1992	Маастрихтский договор	Подписан 12 странами-членами Европейских сообществ: Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Франция
1993	Европейский Союз (ЕС, EU)	Образован в соответствии с Маастрихтским договором на базе Европейских сообществ из 12 стран. В 1994 году в ЕС вступили Австрия, Норвегия, Финляндия и Швеция. Таким образом, к концу 1994 года сформировался базовый состав Европейского Союза из 16 стран. В развитие идеи единой Европы (так называемая «Европа без границ»), договор о создании ЕС предусматривал: 1) создание политического, экономического и валютного союза; 2) завершение формирования единого внутреннего рынка — устранение всех препятствий на пути свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и людей; 3) проведение совместного курса в сфере внешней политики и безопасности и в основных направлениях внутренней экономической политики; 4) координация политики в вопросах охраны окружающей среды, борьбы с преступностью, в том числе с наркобизнесом, и в области юстиции; 5) установление единого европейского гражданства; 6) создание Европейского валютного института и Европейского Центрального банка, а с 1999 года — введение единой валюты (ЭКЮ-Евро) и осуществление единой денежно-кредитной политики.

Источник: таблица разработана авторами на основании официальных документов Евросоюза (EU).

Выстроенные в 1950-е и в начале 1960-х годов интеграционные конструкции в основном обеспечили решение задачи сдерживания этой экспансии. Последующие шаги были действиями высшего порядка, позволившими нарастить конкурентный потенциал крупнейших европейских компаний, достаточно эффективно структурировать их рыночные сферы в США, а компаний Америки — в регионах Западной Европы. В этот период экономика «старой Европы» развивалась по нарастающей, в чём несомненно, сыграли позитивную роль интеграционные системы.

Однако, когда в конце XX столетия произошёл распад Советского Союза и социалистического «лагеря» и в Восточной Европе возникли свободные от блоков страны, идеологии «единой Европы», вопреки экономической целесообразности, добились значительного расширения состава участников Европейского Союза — с 15 до 27. Почти двукратное увеличение ЕС не было лишь арифметической формальностью — согласно базовым документам Союза, «старые» члены должны были помогать «новым» поднимать их убогую экономику до уровня «европейских стандартов». Такой «дополнительной нагрузкой» основа ЕС выдержать не могла — устойчивый рост сменился стагнацией в базовой части Союза, а к середине первого десятилетия XXI века явными стали признаки катастрофы, обусловленные ещё и глобальными проблемами. Отсутствие ресурсов для преодоления этих проблем обусловило резкое сокращение темпов роста GDP даже в относительно «благополучных странах «старой Европы» (Люксембург, Ирландия), а в других — появились признаки возобновления рецессии (Дания, Португалия, Греция) (табл. 2).

Подорванные непосильной «ношей», прочные в недалёком прошлом, экономики Западной Европы закончили первое десятилетие с очень слабыми предпосылками для оживления роста во втором десятилетии XXI века. Убедительный тому пример — Дания, страна, которая до финансового кризиса, начавшегося в 2008 году, считалась одной из самых благополучных стран Европы по уровню жизни и условиям труда. В 2009 году в датской экономике начался резкий спад, безработица подскочила вдвое, дефицит бюджета превысил 3% GDP впервые за послевоенный период [13]. Серьёзно оказался подорванным потенциал роста Германии, Франции, Великобритании.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

Таблица 2.

Динамика GDP в базовых странах Европейского Союза (EU15), в %%

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Средний за 2005-2010 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8
Австрия	2,4	3,7	3,7	1,4	-3,8	2,3	1,62
Бельгия	1,7	2,7	2,9	1,0	-2,8	2,3	1,27
Дания	2,4	3,4	1,6	-0,8	-5,9	1,3	0,34
Финляндия	2,9	4,4	5,3	1,0	-8,2	3,6	1,47
Франция	1,8	2,5	2,3	-0,1	-2,7	1,5	0,89
Германия	0,7	3,7	3,3	1,1	-5,1	3,7	1,23
Греция	2,3	5,5	3,0	-0,2	-3,3	-3,5	0,63
Ирландия	5,3	5,3	5,2	-3,0	-7,0	-0,4	1,08
Италия	0,9	2,2	1,7	-1,2	-5,1	1,5	0,08
Люксембург	5,4	5,0	6,6	0,8	-5,3	2,7	2,8
Нидерланды	2,0	3,4	3,9	1,8	-3,5	1,7	1,85
Португалия	0,8	1,4	2,4	0	-2,5	1,4	0,27
Испания	3,6	4,0	3,6	0,9	-3,7	-0,1	1,38
Швеция	3,2	4,3	3,3	-0,6	-5,2	5,6	1,77
Великобритания	2,1	2,6	3,5	-1,1	-4,4	1,8	0,75

Источник: 1) «Eurostat-Tables, Graphs and Maps Interface (TGM) table». 11 March 2011. Retrieved 26 April 2011;
2) расчёты автора.

Беспрецедентно понизив жизненный уровень собственного населения, власти стран EU15 своими щедрыми вливаниями обеспечили фантастический рост экономик «молодых» членов Европейского Союза. Однако потенциала этого роста за счёт дармовщины хватило лишь до мирового кризиса, когда иссякла благотворительность с Запада, а старательности и умения зарабатывать собственным трудом, а также привычки к скромности в потреблении не прибавилось — во второе десятилетие XXI век практически все New Member States Евросоюза вошли в состоянии рецессии (табл. 3):

Таблица 3.

Динамика GDP в странах «новой Европы» (New Member States), в %%

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Средний за 2005-2010 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8
Болгария	6,4	6,5	6,4	6,2	-5,5	0,2	3,03
Кипр	3,9	4,1	5,1	3,6	-1,9	1,1	2,82
Чешская Республика	6,8	7,0	5,7	3,1	-4,7	2,7	3,43
Эстония	8,9	10,1	7,5	-3,7	-14,3	2,3	1,8
Венгрия	4,0	3,9	0,1	0,9	-6,8	1,3	0,57
Латвия	10,1	11,2	9,6	-3,3	-17,7	-0,3	1,6
Литва	7,8	7,8	9,8	2,9	-14,8	1,4	2,48
Мальта	3,7	2,8	4,3	4,3	-2,6	2,9	2,57
Польша	3,6	6,2	6,8	5,1	1,6	3,9	4,53
Румыния	4,2	7,9	6,3	7,3	-6,6	-1,9	2,87
Словакия	6,7	8,3	10,5	5,9	-4,9	4,2	5,13
Словения	4,0	5,8	6,9	3,6	-8,0	1,4	2,28
EU27	2,0	3,3	3,1	0,5	-4,3	1,9	1,08
Eurozone17	1,7	3,2	3,2	0,4	-4,2	1,9	1,03

Источники: Те же, что и к табл. 2.

Убедительной иллюстрацией крайне плохой совместимости «старых» и «новых» членов ЕС является статистика безработицы в их странах (табл. 4). Провальное состояние экономики «новых» членов ЕС вновь резко увеличило эмиграцию и эмиграционные настроения в них, особенно в прибалтийских странах. Нехарактерно высокого уровня достигла безработица в «опорных» странах Евросоюза — Франции, Италии, Швеции, Великобритании, Германии — как одна из форм платы за воплощение идеи «единой Европы».

Таблица 4

Динамика уровня безработицы (в %% по состоянию на конец III квартала каждого года) в некоторых странах Евросоюза

Страны	2008	2009	2010	2011
1	2	3	4	5
«Старые» члены ЕС:				
Австрия	4,1	4,5	4,9	4,4
Дания	3,0	5,7	7,6	7,5
Франция	7,6	8,8	10,1	9,5
Германия	7,4	7,6	7,3	6,2
Италия	6,6	6,9	8,8	8,3
Нидерланды	2,8	2,8	4,1	4,2
Швеция	5,8	8,0	8,7	7,7
Великобритания	5,2	6,6	7,9	7,6
«Новые» члены ЕС:				
Болгария	3,7	4,9	6,7	7,3
Чешская Республика	4,4	5,5	7,9	6,9
Эстония	4,0	11,1	15,5	14,3
Латвия	6,1	16,1	22,3	17,2
Литва	4,3	15,1	15,8	17,3
Венгрия	7,6	9,2	11,0	11,8
Румыния	6,2	5,8	7,6	7,4
Словакия	9,9	10,5	14,1	14,0
Словения	4,5	5,0	6,7	8,1
EU27	6,7	8,3	9,6	9,5
США	5,1	8,5	9,7	8,8
Япония	3,9	4,4	4,8	4,6

Источник: Те же, что и к табл. 2.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

Политическим «романтикам», воплощающим идею «единой Европы» за счёт собственных народов, ещё долгие десятилетия придётся их вынуждать нести на себе «новую» ношу, для того чтобы выровнять уровень жизни «нового пополнения» под европейские стандарты. Очевидно, что за счёт определённого ущемления интересов населения базовых стран Евросоюза доход на душу населения новых членов ЕС несколько подрос, но остаётся всё ещё крайне низким. Если сравнивать показатели табл. 5 по среднему уровню каждой группы стран, то разрыв в 4-5 раз вряд ли будет преодолён в обозримом будущем, при том, что за свою «жертвенность» «старые» члены Евросоюза ничего не получают взамен.

Таблица 5

Сравнение среднедушевого дохода в странах Европейского Союза (GDP nominal per capita, euro) по данным за 2010 год

Страны	«Старые» члены Евросоюза (EU15)	«Новые» члены Евросоюза	Рост GDP за 2007-2010 гг., раз
1	2	3	4
Люксембург	82 100		1,11
Дания	42 200		1,03
Швеция	37 000		1,03
Нидерланды	35 400		1,03
Ирландия	34 900		0,82
Австрия	34 100		1,09
Финляндия	33 600		1,00
Бельгия	32 600		1,10
Германия	30 300		1,03
Франция	29 800		1,02
Великобритания	27 400		0,83
Италия	25 600		1,00
Испания	23 100		1,01
Греция	20 400		1,01
Португалия	16 200		1,02
Кипр		21 600	1,10
Словения		17 300	1,04
Мальта		14 800	1,14
Чешская Республика		13 800	1,14
Словакия		12 100	1,20
Эстония		10 700	0,92
Венгрия		9 700	0,98
Польша		9 300	1,14
Литва		8 300	0,96
Латвия		8 000	0,85
Румыния		5 700	0,98
Болгария		4 800	1,17
EU27	24 400	-	0,99

Источник: Те же, что и к табл. 2.

Европейские аналитики, ещё в период дискуссий относительно распространения евроинтеграционной экспансии на слабые экономики в основном из бывшего «соцлагеря», предупреждали, что «смешение» разнородных систем не только нарушит достаточно эффективную управленческую структуру из 15 стран, но приведёт в действие механизмы саморазрушения новой конструкции и лишит её «опорную» часть необходимых ей (и создаваемых только ею) ресурсов для развития и преодоления вероятных «сбоев» из-за глобальных влияний. Но это не остановило экономических «романтиков» — здравый (экономический) смысл был принесен в угоду политическим резонам, а вскоре сбывшиеся прогнозы окончательно доказали, что искусственные «союзы» на основе «политической целесообразности» недолговечны, и, в лучшем случае, приносят кратковременную выгоду только тем «инициаторам», которые располагают экономической мощью и военной силой. Таковых в Европе не оказалось, поэтому «богатые» стали беднее, а «нищие» — не обогатились. Сути этого «финала» не меняет то, что экономические «романтики» заговорили о крахе ЕС и еврозоны, а некоторые из ярых сторонников их расширения признают, что эта идея была их «фатальной ошибкой» [14].

Тем не менее, вопреки, казалось бы, неопровержимым фактам, коллективный марш в пропасть продолжается: высшая бюрократия ЕС выстроила очередь для нового пополнения (кандидатами являются Турция, Исландия, Хорватия, Македония и Черногория) и в стадии рассмотрения находятся заявления Албании, Сербии, Норвегии и Швейцарии. Кроме Швейцарии и Норвегии пополнение — в высшей степени «достойное» с точки зрения опасностей для существующей системы: у каждого из «кандидатов» есть свои резоны для вступления в ЕС. Бывшие страны Югославии надеются на «европейский кошелек» для восстановления их экономики после агрессии НАТО, в которой кроме США принимали участие их европейские союзники; Турции нужен официальный статус для защиты миллионов своих гастарбайтеров, которые сейчас находятся на полулегальном положении в Германии, Италии, Франции; Швейцария надеется на этот статус как на способ улучшить своё реноме государства-оффшора для теневого капитала со всего мира. Таким образом, ни одна из этих стран не преследует благоглупых целей типа «коллективного строительства европейского дома», «консолидации сил для укрепления европейского единства», «спасения от дефолта одних за счёт жертвенности других» и пр. Понятно, что у такого «Вавилона» будущего нет.

На этом фоне очень своеобразно (по медицинским показаниям) смотрится истерика, затеянная некоторыми кругами в Украине по поводу неподписания до конца 2011 года соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Они называют этот факт «главным поражением Украины в 2011 году», предсказывают «углубление международной изоляции Украины и ухудшение отношений Украины с ЕС», пугают «усилением давления России на Украину» [15]. Понятно, что безотлагательное установление союза с Украиной — это для Евросоюза «судьбоносная» задача (из-за отсутствия более важных). Но почему эти силы (состоящие в массе своей из людей, по праздникам посещающих церковь, то есть набожных) не хотят признать, что сам Бог спасает Украину от ещё больших бедствий, чем те, которые она испытывает? Скорее потому, что них совсем другие цели.

Мы можем порекомендовать им просмотреть хотя-бы экономическую публицистику основных СМИ США, начиная, например, с 2010 года. Внимание специалистов, выполняющих для своих газет и журналов обзоры экономики стран Евросоюза, всегда было обусловлено тем интересом, какой должен вызывать статус главных мировых конкурентов. С бухгалтерской тщательностью фиксировался процесс нарастания разногласий в способах вывода из состояния дефолта отдельных участников, анализировалось ухудшение качественных показателей финансовой системы Евросоюза, постоянно сравнивалось динамика государственного долга и бюджетных дефицитов в Евросоюзе и Америке с акцентом на то, что в Америке дела идут гораздо лучше благодаря более высокому качеству государственного управления. Практически всегда в таких обзорах упор делался на том, что «европейцы» слишком увлеклись идеей тотальной интеграции, самоубийственно подрывая управляемость Союза, смешивая в нём разнородные экономические и этнокультурные элементы, лишая их тем самым возможности самим искать решение своих проблем.

Но, как видно, такие обзоры не читают не только в Евросоюзе, но и в Украине. Характерная деталь: американские эксперты недоумевают, почему их коллеги в Европе не замечают, что в одной из сильнейших экономик Евросоюза — Германии — до сих пор

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

сохраняется большое различие макроэкономических показателей её восточной и западной частей, хотя после их воссоединения прошло более 22 лет (с 3 октября 1990 года). Они задаются риторическим вопросом: неужели инициаторам евроэкономического сотрудничества не ясно, что проблемы воссоединения экономических систем одной страны относятся к совсем иному уровню сложности, чем проблемы строительства «квазигосударства» из «обломков» тоталитарной системы? Актуальность таких вопросов становится особенно очевидной при анализе проблем еврозоны.

4. Проблемы валютных союзов (на примере еврозоны).

К концу 1990-х годов Европейский Союз, состоявший из 15 государств, достиг реальных успехов в осуществлении основополагающих идей, и, главное, стал сильным конкурентом Америки, обогнал её по численности населения (500 млн. против 300 млн. чел.) и по общему объёму GDP(ВВП). Уместно, однако, заметить, что структура этого превосходства не была столь убедительной: 60 совокупного GDP Евросоюза производили 6 стран, основавших Союз, то есть на долю остальных 9 стран приходилось 40%; а среднедушевой доход в Союзе был значительно меньше, чем в США (примерно в 1,5 раза). Тем не менее, в 1990 году лидеры Евросоюза осуществили ещё один пункт из программных положений — создали валютную зону, хотя количественно она оказалась меньше Союза, так как из 15 стран 3 категорически отказались заменять свою национальную валюту на евро (Дания, Швеция и Великобритания).

Последующие события подтвердили мудрую дальновидность правительств этих стран. Отметим также, что этот амбициозный проект был осуществлён не столько для облегчения взаимных расчётов, сколько для того, чтобы в перспективе заменить его американский доллар во всей мировой экономике. В дальнейшем, после расширения Евросоюза до 27 государств, еврозону составили только 17 — кроме упомянутых 3 стран в неё вошли Болгария, Чешская Республика, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния. Сейчас очевидно, что если бы и эти страны были включены в валютный союз, то общеевропейское сообщество рухнуло бы гораздо раньше, вместе с экономикой этих бедных стран.

Равно как и в период дискуссий о формате евроинтеграции, эксперты скептически высказывались относительно преобразования Евросоюза в валютный союз. Например, бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен доказывал, что эффект культурных различий в странах еврозоны был сильно недооценен. По его мнению, создать единую валюту можно только в культурно близких странах, например, в Германии, Нидерландах, Австрии, а нынешний формат еврозоны нежизнеспособен и, скорее всего, закончится её распадом [16]. Говоря о культурных различиях, эксперты имели в виду прежде всего разную культуру труда, разную ответственность за его качество, неприятие «иждивенчества» одними народами и легкомысленность других. Например, некоторые аналитики говорят: не румынская бедность тащит Евросоюз ко дну, а греческая привычка жить не по средствам [17].

Признавая, что объединение полумиллиарда людей в Евросоюзе и переход двух третей из них на единую валюту — одно из величайших начинаний в мировой истории, исследователи считают, что такого рода союзы хороши в основном концептуально и когда все участники строго соблюдают общие правила, например, чтобы дефициты госбюджетов были не больше 3% GDP(ВВП) государственные долги не поднимались выше 60% GDP, инфляция была низкой и т.п. Но на деле сами же инициаторы евро — Франция и Германия — ещё с начала 2000-х годов постоянно сводили свои бюджеты с превышением маастрихтского 3%-го лимита, однако, органы управления ЕС не отваживались делать им замечания. Постепенно нарушения финансовой дисциплины стали обычным делом, и бюджетные дефициты и рост госдолгов приняли лавинообразный характер, вследствие чего «богатым» странам (главным образом, Германии) приходится покрывать долги так называемых «бедных».

Роль «доноров» сейчас настолько тяготит сильные экономики Евросоюза как экономически, так и психологически, что от декларативного «единства» остаётся всё меньше и всё чаще высказываются радикальные предложения резко сократить число участников, например, вернуться к формату 15 стран или даже — 6.

Но при новом «форматировании» придётся учесть, что перманентные финансовые проблемы в течение всего десятилетия создают как раз сооснователи Союза — Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания. Следовательно, остаются Германия, Франция, Великобритания и ещё несколько стран, которые могли бы составить новый Союз, но большая их часть и сейчас не состоит в зоне евро. Таким образом, возникает патовая ситуация и опасность полного краха евроинтеграционных иллюзий. В зону евро вряд ли удастся кого-то «загнать», потому что отказ от собственной валюты лишает страну возможности ответственно вести своё хозяйство, а привыкшие к «иждивенчеству» в еврозоне страны не нужны гипотетическому новому союзу, с идеей которого выступила Германия (как видно, доведенная до отчаяния меньшими «евробратями»). Президент Евросовета Херман Ван Ромпей заявил: «Еврозона не выживет, если не сумеет преодолеть долговой кризис... Мы все должны работать для того, чтобы еврозона выжила, поскольку, если распадётся еврозона, распадётся и весь Евросоюз» [16].

Кроме подобных заклинаний используются и угрозы. Например, глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу отметил, что «расчленение» зоны единой валюты невыгодно самой Германии, поскольку может привести к падению её GDP(ВВП) на 3%. Почти такой же прогноз адресован Франции [18]. Но реалии таковы, что Европа не в состоянии справиться с региональными различиями в экономическом и социальном плане, а все инициативы по преодолению системных противоречий предпринимаются слишком поздно и всё чаще окрашиваются политической риторикой (например, упоминаются некие «внешние опасности» [19]).

Сдержанно и объективно исследовал ситуацию в Евросоюзе профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, Нобелевский лауреат по экономике [20]. Фундаментальные проблемы региона, и в первую очередь экономическое неравенство стран блока, остаются нерешёнными. Это означает, что в скором будущем страны Европы прибегут к спонтанному решению долговых вопросов, что приведёт к распаду валютного союза. Н. Рубини напоминает, что с самого момента своего создания, этот союз не удовлетворял критериям единой валютной зоны. Лидеры стран ЕС надеялись, что отставание ряда стран будет ликвидировано благодаря структурным реформам. Однако этого так и не произошло.

Напротив, безотчетное пренебрежение финансовой дисциплиной в Греции и Португалии сопровождалось лишь ростом «пузырей» на рынках активов Испании и Ирландии. Проведение структурных реформ откладывалось, а несоответствие роста зарплат текущему уровню производительности труда в ряде стран постоянно усиливалось. Итогом данной политики стала потеря конкурентоспособности экономик ряда стран, входящих в еврозону. Н. Рубини предполагает, что груз частного и государственного долга этих стран будет постоянно расти и станет окончательно неподъемным самое позднее к 2013 году. С этими рассуждениями сходятся эксперты швейцарского банка UBS, которые уже подсчитали, во что обойдётся для населения выход стран из зоны евро. Так, первый год после выхода из еврозоны для обременённой долгами и экономически ослабленной страны будет «стоить» каждому её жителю трудоспособного возраста от 9,5 тысяч до 11,5 тысяч евро, что составит около половины её GDP(ВВП). В случае отказа от евро таких стран, как Германия, «плата» за этот шаг составит в первый год от 6 до 8 тысяч евро на одного взрослого жителя. Из числа стран еврозоны в тисках кризиса суверенных долгов уже оказались Греция, Испания, Италия, Ирландия и Португалия. Эксперты не исключают распространения кризиса и на других участников европейского монетарного союза [21].

В последнее время появляется всё больше подтверждений того, что от теоретической возможности распада еврозоны процесс входит в плоскость действий. С требованиями вернуться к национальной валюте выступили ведущие политики Германии, Италии и даже Греции, 55% населения которой поддерживают этот шаг [22]. Поскольку уже точно известно, что распад еврозоны приведёт и к развалу Евросоюза, к катастрофе наиболее уязвимых и ослабленных экономик «новых» членов Союза, и, в конечном итоге, — к потере статуса ведущего глобального игрока. Для его спасения «бросают» всё больше заёмных денег. Собираются увеличить в два раза (до 1,5 трлн. Евро) объём общеевропейского стабилизационного фонда (European Financial Stability Facility) и повысить «гибкость» расходования средств этого фонда. Чтобы обеспечить надёжную страховку странам ЕС и поддержать падающий курс евро на мировом валютном рынке [23]. Отсрочивая катастрофу, эти меры загоняют сообщество в ещё более глубокую долговую яму. Очевидно, что в ней окажется любая страна, которая в этот смутный период сама или под влиянием «дружественных» призывов захочет вступить в «нерушимый экономический союз Европы».

Выводы. Таким образом, странам, уже пробившимся в авторитетную мировую организацию, какой является ВТО, следует крепить двух- и многосторонние отношения с её участниками, отрабатывать свою законодательную и нормативную базу под стандарты ВТО,

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАМКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГУАМ

внешнеполитическими мерами способствовать своим компаниям укрепляться на традиционных рынках и осваивать новые. Опыт показывает, что страны, не «впутавшиеся» в какие-либо союзы, более свободны в выборе вариантов внешнеэкономического поведения, не несут обременительных экономических и политических обязанностей по отношению к разного рода «наднациональным» органам (чем одновременно способствуют уменьшению процесса «размножения» мировой бюрократии), не загоняют себя в тупиковые ситуации. Когда не могут в полной мере воспользоваться своим национальным суверенитетом.

Идея «единой Европы» была эффективна до тех пор, пока использовались главным образом экономические формы интеграции. Но переход к «союзничеству» перевёл отношения участников в политическую плоскость, когда ущемление суверенитета слабых стран лишь в какой-то мере компенсировалось реальной и обещанной экономической помощью со стороны сильных. Такая конструкция относительно устройства в периоды спокойного развития и при наличии внешних политических угроз (манией которых особенно страдают малые и слабые страны). Кризисные потрясения разрушают подобные «союзы», причём наиболее пострадавшими оказываются привыкшие к беззаботному образу жизни, утратившие иммунитет и способность самостоятельно бороться за выживание страны. Сильные же при этом либо остаются при своих интересах, либо даже выигрывают, потому что, будучи главными акционерами международных финансовых организаций (типа Международного валютного фонда, Всемирного Банка, Международного Банка реконструкции и развития и др.), всегда готовы «помочь» жертвам излишней доверчивости щедрыми кредитами. Но на таких условиях, которые на обозримое будущее сделают их положение вообще безвыходным. Однако во все времена, кроме общеизвестных видов «валюты» (золото, территории, в том числе плодородные земли), высоко ценилась политическая «валюта». В обмен на неё мировые финансовые магнаты могут и «скостить» долги. И к чему же в конце концов приходят такие страны? Круг несчастий, из которого они, якобы, вырвались, снова замыкается, долговая удавка превращается в капкан для многих будущих поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. The Financial Times, December 18, 2011.
2. The Wall Street Journal, December 20, 2011.
3. Reklama, № 47(849), December 22, 2011, p. 8.
4. «7 дней» № 46(781), December 9, 2011, p. 28.
5. The Daily Beast, November, 2011.
6. Reklama, № 44(846), November 24, 2011, p. 20.
7. Reklama, № 43(845), November 17, 2011, p. 50.
8. Reklama, № 33(787), September 2, 2010, p. 8.
9. Час і Події, № 1, 5 січня 2012 року, с. 15.
10. Час і Події, № 49, 8 грудня 2011 року, с. 12.
11. Reklama, № 43(845), November 17, 2011, p. 52.
12. Новый Свет, №№ 4411-4412, November 21, p. 9.
13. Reklama, № 22(824), June 9, 2011, p. 8.
14. Новый Свет, № 4418, November 30, 2011, pp. 20-21.
15. Рік поразок і невдач? Підсумки 2011-го року очима експертів/Час і Події, № 1, 5 січня 2012 року, с. 10-11.
16. Reklama, № 42(844), November 10, 2011, p. 14.
17. Obzor, № 44(683), November 18, 2011, pp. 8-9.
18. «7 дней», № 44(779), November 18, 2011, p. 2.
19. Час і Події, № 6, 10 лютого 2011 року, с. 18; Новый Свет, № 4418, November 30, 2011, pp. 20-21; «7 дней», № 47(782), December 16, 2011, p. 2.
20. «7 дней», № 23(758), June 24, 2011, p. 3.
21. Новый Свет, № 4418, November 30, 2011, p. 7.
22. «Верните драхму!»//Новый Свет, № 4261-4262, April 25, 2011, p. 16; Почём выход из Еврозоны?//Новый Свет, № 4418, November 30, 2011, p. 7.
23. Reklama, № 24(826), June 23, 2011, p. 8.

РЕЗЮМЕ

На основі аналізу системних проблем економічних (економіко-політичних) союзів минулого та сучасності сформульовано рекомендації для таких країн, що «не приєдналися».

Ключові слова: світова економіка, боротьба за ресурси і вплив, економічні (економіко-політичні) союзи, асоціації, співучасники; інтеграція як засіб, експансії, дійсні та уявні пріоритети, механізми саморуйнування; альтернативи для таких, хто «не приєднався».

РЕЗЮМЕ

На основе анализа системных проблем экономических (экономико-политических) союзов прошлого и современности сформулированы рекомендации для «неприсоединившихся» стран.

Ключевые слова: мировая экономика, борьба за ресурсы и влияние, экономические (экономико-политические) союзы, ассоциации, сообщества; интеграция как способ экспансии, подлинные и мнимые приоритеты, механизмы саморазрушения, альтернативы для «неприсоединившихся».

SUMMARY

Based on the analysis of systemic problems of economic (economic and political) union of past and present recommendations for the "non-aligned" countries.

Key words: global economy, competition for resources and influence, economic (economic policy), unions, associations, communities, integration as a way of expansion, the real and imaginary priorities, mechanisms of self-destruction, an alternative to "non-aligned".

THE BASIC OUTLINES OF THE INSTITUTIONAL REFORMS IN ARMENIA

Hakhverdyan D., Doctor of Economics, Associate Professor

During the last decade theoretical and experimental results obtained in economics clearly indicate that the main components of the institutional environment (for example, judicial system, ensuring property rights, level of financial markets development, quality of human capital institutions, etc.) in the long-term have positive and significant impact on economic growth. Along with the improvement of the quality of state and legal institutions the level of per capita GDP also increases in appropriate amount. In long-term the quality of main institutions is a factor conditioning economic growth also in transition economies.

In recent years, progress in the sphere of institutional development assessment provides researchers with not only interesting materials for quantitative analysis of the countries' institutional dynamics, but also gives an opportunity to identify priorities for institutional reforms.

On the basis of large collection of comparisons between countries the level of Armenia's basic market institutions and their development trends are analyzed in this article. During 1999-2007 the feature of Armenia's development became the institutional environment deterioration in conditions of economic growth. The gap between Armenia's economic and institutional growth and its trend are revealed by the analysis of the institutional